

Нельзя включить воспоминания,
Как телевизор или свет —
Тут бесполезны все старания,
Тут никаких рецептов нет.

Они приходят как бы сами.
Законы их сложны, тонки,
Но уж, являсь, идут за нами
Порой до гробовой доски.

В. Бушин

Босоногий

Валерий ИВАНОВ-ТАГАНСКИЙ

Виктор был белёсым, крепким и с вешушками на лице. В пятнадцать лет выглядел на все восемнадцать. Учился легко, любил рисование, мечтал стать знаменитым футболистом. Босоногим его прозвали из-за футболки. В обуви голы не забивал, а босым — везло. Закричат «Босоногий, вперёд!», он и рад стараться.

Ко всему прочему, Виктор был тайно влюблён и считался грозой районных огородов. Дело в том, что латыши, проживающие на краю Риги, имели при домах земельные участки, а семьи военных, расселённые после Победы по домам уехавших за границу толстосумов, кроме квартир и скрытой неприязни, не имели ничего. Дети эту несправедливость исправляли по-своему. Когда на участках начинали зреть фрукты и овощи, ребятами аккуратно собирали урожай. Местные бабки были вне себя от ярости и установили дежурство, чтобы ловить «офицерских поросят». Однако морковь, огурцы и помидоры регулярно с грядок исчезали. Старухи-огородницы негодовали, но поймать никого не могли. Уж больно организованно проводилась эта, по-военному названная ребятами, «репарация». Больше всех жаловалась бабушка Розалинда: у неё огород был самым урожайным. Старуха поклялась поймать Виктора — главного стратега и обидчика. С раннего утра она высматривала, как тот спускался с крыльца и словно цапля, поджимая от холода то одну, то другую босую ногу, медленно сходил по цементным ступеням. Через секунду подбегал к перекладине, сделанной отцом после войны, глядя в окна соседнего дома, где жила Дзинтра — симпатичная рыжеволосая девочка в которую он безотчетно был влюблён, — и подтягивался до тех пор, пока не сбивался со счёта. Лицо у него при этом было зловое, словно кто-то кусал за пятки.

Бабушка доставала с полки довоенный театральный бинокль и превращалась в Шерлока Холмса. Розалинда не сводила глаз с участка, но выследить не могла, что-нибудь её всегда отвлекало. То чужую собаку кто-то пустит во двор, то, с чего ни возьми, поросёнок вырвется из хлеба. Вечером по оставленным следам старуха понимала, что опять у неё на огороде ужинал Босоногий.

Регулярно жаловалась его отцу. Тот шёл с Розалиндой на огород, и каждый раз следы оказывались не сына, а кабаня. Разводя руками, он говорил: «Нет доказательств — порки не будет!»

Для утешения отец обещал бабке дежурить с пистолетом ночью и угостить её кабаньей. Бабушка сообразила, что надо искать какие-то приспособления с копытцами, но найти не могла. Наконец, всё разрешилось. Главный архаровец района и давний враг Босонокого Айвар притащил ей в качестве доказательства четыре небольшие доски с придельными копытцами кабаня. Он нашёл их в сарае Босоного и тайно приволок старухе.

Это был точный слепок шпионских копыт из популярного в то время фильма «Застава в горах». Взяв предоставленные Айваром «вешдоки», бабушка нажаловалась отцу, а потом долго и не без удальства слушала у себя на втором этаже, как был под отцовским

ремнём её враг.

Обида на долговязого доносчика настолько была велика, что Босоногий решил на «открытый бой». Вместе с Вовкой, парнем постарше, жившем на соседней улице, Виктор в спешном порядке стал ходить на занятия по самбо. Через неделю тренер его заметил и похвалил: «Лет через пять можешь стать чемпионом». Сергей Иванович не сказал, каким именно чемпионом. Но Виктор это было не столь важно. Главное, что в него поверили. Значит, он кое-чего стоит, и Айвар — этот латышский стукач с тонкогубым лицом и глазами, глядевшими на всех с презрением, — вскоре это почувствует.

«Дам ему открытый бой на улице Атпутас», — решил Виктор. — Вот он у меня и отдохнёт на карачках в луже грязи».

Вообще, с Айваром, местной баскетбольной знаменитостью, у него не заладилось давно: девять лет назад, когда летом на площади Победы казнили немецких генералов. Народу тогда собралось видимо-невидимо. Пробриться вперёд, в первые ряды, никому из знакомых мальчишек не удалось — военные детвору близко не подпускали. А вот на деревьях по периметру площади места было хоть отбавляй. С высоты всё видно даже лучше, чем из толпы. Казнь назначили на десять утра. Уже в половину десятого на площади Победы яблоку негде было упасть. Толпа хоть и гудела, но тайно и безрадостно. Все понимали, что в казни много зрелища и ничего торжественного. Наконец, на дороге показались грузовики, для проезда которых освободили проход. Десять машин встали в центре площади. Борта откинута только у восьми грузовиков, рядом укреплённые в землю виселицы. Когда машины выключили двигатели, а вдоль отброшенных бортов строго по линии повисли петли, толпа притихла. Говорить никто не хотел. Наконец, к автобусу, стоявшему в начале колонны, подбежал высокий полковник в непривычной форме внутренних войск и, открыв дверь,скомандовал: «Выходи!» Вышли почему-то восемь человек. Позже стало известно, что двоим удалось бежать и по дороге их убили. Оставшиеся нехотя выстроились в колонну и двинулись к месту казни. Впереди уверенным шагом шёл небольшого роста генерал. За ним, словно набираясь храбрости, тянулись остальные семеро.

— Смотри-ка, — прошептал парень, сидевший на боковой ветке, — этот маленький ничего не боится.

— Подожди, дождёт до петли, в штаны наложит, — с другой ветки ответил незнакомый парень постарше.

И действительно, один из приговорённых, высокий и сутулый немец, увидев виселицы, охнул, и вдруг его зелёные галифе ниже пояса быстро потемнели. Народ, заметивший этот конфуз, громко засмеялся.

Босоногий не смеялся. Ему стало не по себе. Не нравилось и настроение, которое демонстрировали организаторы казни.

— Людей вешают, чего зубы скалить от радости, — думал мальчишка, глядя на приговоренных.

Вскоре всех приговорённых расставили у машин.

Последовала команда, был прочитан приговор. Читали его недолго и тихо. Босоногий только догадывался о содержании. И вот уже первый немец по приставной лестнице поднялся на платформу машины. В этот момент у дерева, на котором уселось с десяток ребятшек, появился Айвар. Он полез вверх и на ходу стал сбрасывать тех, кто мешал подняться до обзорной высоты. Вот тут ему под руку и попался Босоногий. С первой попытки Айвару не удалось его спихнуть. Но затем он двумя руками впился в Босоногого и, предательски толкнув, скинул вперёд. Босоногий сорвался, но хорошо, что, падая, успел зацепиться за ветку, а то бы плашмя шлёпнулся на землю. Подтянувшись, закинул ноги и устроился на нижней ветке. Обида захлестнула Виктора, но он себя пересилил и только крепче сжал зубы. Айвар, скалясь сверху, смотрел на него. Босоногий показал ему кулак и громко добавил: «Убью!» С нового места видно было только головы немецких генералов и борта грузовиков. Когда все восемь приговорённых поднялись на платформы, на площади воцарилось гробовое молчание. Каждого немца придерживал наш офицер, чтобы не возникло сопротивления, руки генералов были связаны сзади, на шею — петли. Приговорённые вели себя пассивно и обречённо. Но вдруг один из них плюнул своему охраннику в лицо. Площадь взревела. Немец тут же получил в зубы. Народ удобрительно загудел. Удар был настолько сильным, что этого генерала вешали последним, ждали пока он придёт в себя.

Потом какой-то пожилой мужчина заметил: — Немец-то хитрым оказался, на полчасца смерть оттянул. Громко завучал марш, и под его звуки поочерёдно стали отъезжать машины, оставляя в петлях судорожно дёргающихся людей. Все вели себя одинаково: до конца сопротивлялись в руках охранников. Только предпоследний, невысокий генерал, рукой отодвинув офицера, сам пошёл к краю платформы и, вскинув приветственно руку, прыгнул с края борта. Немцу, плюнувшему в лицо охраннику, досталось сполна. Разъярённый офицер поволок приговорённого к краю и ногой спихнул с платформы ещё стоящей машины. Немец на секунду успел схватиться за борт, но охранник каблукот ударил по рукам и тот тотчас повис.

Расходинь все молча, было не до разговоров. На обратном пути Виктор заметил Дзинтру из соседнего дома. «Чего она, девчонка, здесь?» — подумал он, но тут же вспомнил: её отец, русский, погиб под Сталинградом. Самым неприятным было то, что рядом с Дзинтрой и её мамой улыбаясь шёл Айвар, нахально размахивая руками. Виктор шлёпал босыми ногами неподалёку и злился.

«Чего он к ней клеится, — спрашивал он у себя, — неужели она не видит, что Айвар противный?» И вдруг шестилетний Виктор процедил сквозь зубы: не бывает этому! Чему не бывает, он и сам толком не понял, но почувствовал, как сладко защемило сердце.

К тому времени, когда Виктору стукнуло пятнадцать, Дзинтра стала красавицей. Все

соседские мальчишки были влюблены в неё. Около дома девушки разыгрывались чуть ли не турниры. Каждый из подростков, что-нибудь вытворяя, поглядывал на её окна. Одни курили в затажку, другие играли в фантики, а некоторые дрались до синяков. Виктор после занятий по самбо любил бороться.

Дзинтра училась в латышской школе. Когда ребята после занятий расходились по домам, многие шли мимо окон девушки. Виктор, возвращавшийся из своей школы раньше, заметив, что Дзинтра вошла в подъезд, выходил из дома на середину улицы и вызывал латышей с ним бороться. Поглядывая наверх, в окна, где мелькало знакомое личико, парень одного за другим клал на лопатки. У него даже появился свой зритель — дворовые ребяташки, которые устраивали овации после каждой его победы.

Но однажды Виктор схватился с Гунаром, младшим братом Айвара. Он сумел обхитрить противника и неожиданным приёмом уложил его на лопатки. В этот момент рядом проходил Айвар с приятелями. Видя, что под хохот и аплодисменты детворы с его братом так разделились, Айвар с дружкой набросились на Виктора и до синяков избивали его. Ладно бы кулаками, а то били ногами, да ещё по очереди. Бросив Босоного лежать на земле, зашли в подъезд, где жила Дзинтра и вскоре вместе с ней отправились на прогулку. Виктор долго не мог прийти в себя. На голове появились шишки, рот заливало кровью, левый глаз так затёк, что смотреть можно было, только закрыв лицо ладонью. Кое-как поднявшись на ноги, он поплёлся домой. Отмыл лицо от грязи, долго держал голову под холодной водой, а потом сел за стол и заплакал от обиды. Оскорбительнее всего было то, что Дзинтра, смотревшая из окна, как его избивают, ушла с этими гадами. Припомнив своих обидчиков, Виктор решил разделать с каждым по очереди. Открытый бой с Айваром отложился напоследок. «Надо потренироваться», — заключил он.

Вдруг страшная мысль, что Дзинтра этим поддонком может быть обижена, заставила изменить планы. Приговор был вынесен мгновенно. Подойдя к трёхстворчатому шкафу, Виктор протянул руку в дальний верхний угол и вытащил белый матерчатый свёрток. Он быстро развернул тряпку, и в руках у него оказался пистолет ТТ, сохранившийся с войны. Они с братом Анатолием никогда к нему не прикасались. Отец ещё в детстве строго приказал: «Это подарок маршала Баграмяна, и если кто-нибудь из вас тронет, я никогда не прощу». Дети гордились отцом, и никто ослушаться до сих пор не посмел. Но обида была настолько велика, что Виктор забыл обо всём. Ему даже показалось, что папа, если узнает, из-за чего так случилось, его простит.

Дальше всё пошло автоматически. Он надел плащ, положил во внутренний карман пистолет и вышел на улицу. Плащ оказался кстати: начал накрапывать дождь. Однако детвора не торопилась покидать улицу. Спросив у своих болельщиков, куда направилась компания, Виктор узнал, что после магазина они двинулись к Айвару. Он дошёл

до магазина, свернул налево и через дом вошёл во двор. Виктор хорошо знал это место. Нередко они здесь играли в футбол. Косые, с латаной сеткой ворота не раз трещали по швам от его ударов. Наконец, он приблизился к дому, где жил Айвар. Однако сразу войти не решился. Что-то его останавливало. Перед глазами всплыло строгое, удерживающее от беды лицо отца. Виктор уже было решил пойти назад, как вдруг через открытое окно услышал знакомый голос Дзинтры. Она смеялась, смеялась звонко и весело. Показалось, что все они потешаются над ним.

«Ах вы, гады, кучей навалились на одного, да ещё издеваетесь!» — вскипел Виктор и в следующую секунду одним прыжком оказался у двери. Из квартиры тянуло куревом и кислыми щами. Он изо всех сил постучал кулаком, дёрнул ручку, и дверь распахнулась. Сделав три шага, очутился прямо перед компанией.

— Ложись! — крикнул он срывающимся голосом.

Все, оторопев, уставились на незваного гостя, не зная что делать. Тогда Босоногий выхватил пистолет, сделал шаг в сторону Айвара и прицелился ему в лицо.

— На колени! — крикнул ещё решительнее Виктор.

И вдруг побелевшее лицо Айвара стало треугольным, а короткие, вечно прилизанные волосы вздыбились, как у ерша.

— Я кому сказал, на колени! — повторил ещё громче Босоногий.

Айвар вздрогнул, глаза его стали наполняться слезами. Он выправился во весь рост, потом схватился за живот, стараясь руками что-то удержать, и вдруг его светлые бровки стали мокрыми. Дзинтра, увидев такой конфуз, приснула со смеху, а дружки от удивления разинули рты.

— Все на колени! — не успокаивался Виктор. В его глазах был такой огонь, что веселье вмиг улетучилось и все сразу опустилось на колени. Он перевёл глаза на Дзинтру, и вдруг среди вновь, как когда-то, защемило.

— А ты встань, — тихо проговорил Виктор, — это не твоё место. Он указал на дверь и девушка быстро вышла. Развернувшись к компании, он громким голосом приказал:

— Всем оставаться на месте, буду за дверью.

Если кто выйдёт — начну стрелять.

В полной тишине он закрыл дверь, несколько секунд стоял в коридоре, прислушиваясь, а затем, пройдя через футбольное поле, пошёл в свою сторону. На полдороге его догнала Дзинтра. Они долго шли вместе. Наконец, девушка, заглянув ему в глаза через плечо, сказала:

— Виктор, не злись, прости нас, — и вдруг по-детски добавила: — я больше так не буду. На глазах появились слёзы. Дзинтра опустила голову, колечки волос сползли на лоб, и она стала ещё красивее.

— Пойдём ко мне, — уже чуть не плача сказала она, — у нас есть торт, будем пить чай и лечить раны. Девушка взяла его за руку, прижалась ближе, и они вместе поднялись на второй этаж. Стали пить чай и говорить на разные темы.

Вдруг Дзинтра прижалась и поцеловала его прямо в губы.

— Хочешь, я выйду за тебя замуж, когда подрастём?

Виктор посмотрел на неё единственным выдающим глазом и тихо выдохнул:

— Долго ждать придётся.

Тогда девушка взяла его за руку и повела в свою комнату. Но в этот момент, в замке зазвенели ключи. Вошла мать Дзинтры.

— Мама, — смущённо сказала девушка, — а у нас гости.

— Вижу. Что с лицом? — спросила она. — С кем-то подрался?

Виктор нехотя кивнул.

— Победил?

— Мама, ты не можешь себе представить, — вмешалась Дзинтра, — Айвар описался.

Женщина удивлённо повела головой, и глаза её улыбнулись.

— Тебя, кажется, Виктор зовут?

Парень кивнул головой.

— Значит, победитель, — сказала она, внимательно посмотрев на дочь. — А папа у тебя военный?

Виктор снова кивнул. На отцетшем, с уставшими глазами лице женщины на секунду снова появилась улыбка.

— Жи-во-о-й, — выдохнула она и посмотрела на висевшую фотографию погибшего мужа. — Хорошо. Дружите, а там Господь разберётся. Сидите, я в магазин схожу, надо чем-то угостить соседа.

Она взяла хозяйственную сумку и вышла. Виктор обнял Дзинтру и быстро поцеловал.

— Давай поженимся, когда сойдут синяки, — уверенно сказал он. — А сейчас я пойду, надо вернуть пистолет. Буду через час, на улицу не выходи, жди тут.

Он ещё раз поцеловал девушку, потом ещё, и только тогда вышел из дома.

1 Атпутас (латыш.) — отцы.